

СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА

ЧАСОВЩИК

ЗИМА

ОЛЬГА АМАЛФЕЕВА

16+

Ольга Амалфеева

Часовщик. Зима

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Амалфеева О.

Часовщик. Зима / О. Амалфеева — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Зима 2019-2020 года. Он - часовщик, и у него жена и двое сыновей. Она - бывший дизайнер, и у нее дочка-подросток и бывший муж. А также свекровь, коллеги и две работы. Они такие разные. Но их пути постоянно пересекаются. Только какой в этом смысл, им еще придется угадать. Вас ждут: мужчина и женщина в современном мегаполисе. Петербург, Милан, Альпы. И история большой любви. Ибо кто его знает, что такое эта любовь? Та самая, которая никогда не перестает, долготерпит, милосердствует, не превозносится, не гордится и не ищет своего. Мы не знаем и не умеем узнать, ибо видим теперь как бы сквозь тусклое стекло, гадательно. Но пребывают в мире сии три: вера, надежда, любовь. И любовь из них больше.

© Амалфеева О., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава 1. Иван	6
Глава 2. Кресло	12
Глава 3. Вероника	15
Глава 4. Пальто	22
Глава 5. Альпы	25
Глава 6. Дежавю и мыльные пузыри	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Die Stunde kömmet schon,
Da deines Kampfes Kron'
Dir wird ein süßes Labsal sein.

Уж час настал,
когда венец борьбы твоей
тебе отрадой сладкой станет.
Georg Neumark, Johann Sebastian Bach.
Cantata BWV 21

Глава 1. Иван

Иван опустил роллету и присел на корточки, закрывая её на ключ.

– Привет, Лексевич, – окликнул его сзади вышедший из соседнего магазина паренек-продавец.

– Как жизнь?

– Слава Богу.

Длинные ряды частных магазинов и мастерских, протянувшихся через торговый центр, закрывались. Люди, покидавшие их, стекались ручейками к выходу, сливаясь и перебивая друг друга, втягивались в гигантские коловороты у петлей эскалаторов. Они выходили из всех проемов и поворотов, непрерывной лентой стекали под собственной тяжестью с лестниц и лифтов, образуя ртутную подвижную лужу перед дверьми супермаркета.

Иван, проверяя, толкнул пару раз роллету, одернул куртку и привычно встроился в людской поток. Никого не задевая и не мешая, достал на ходу из рюкзака православный календарь, открыл на сегодняшней дате и, инстинктом жителя большого города перестраиваясь, лавируя между препятствиями, автоматически считывая ступени и опоры арок, продолжил читать с того места, на котором остановился утром.

В метро его догнала мучительная боль в колене.

– Молодой человек, уступите место.

– Да, конечно, – он с трудом встал, как всегда в такой момент подумав о минусах сидячей работы. Стараясь не опираться на больную ногу, привалился к надписи "не прислоняться". Буквы, качавшиеся перед ним, резали уставшие за день глаза. Он закрыл их, несколько станций наблюдая броуновское движение пятен среди горячих обрывков дня на сетчатке. Мелкие острые предметы в кругу света лампы кололи веки и мешались с крупными отпечатками лиц и разговоров.

Люди, движение людей напоминали ему часовой механизм: безостановочное зубчато-разнонаправленное одномоментное вращение разнокалиберных колес. Задевая друг друга плечами, локтями и взглядами, они совершали при поступательном движении одновременное вращение вокруг своей оси, сосредоточенно кружились над собой, тревожно реагируя инфракрасными датчиками движения.

Когда один из них сбивался с ритма, весь механизм кособочился, неизбежно и неотвратимо заваливался, как домино, с тем же безответным механическим звуком, кладя плашмя одного за другим. Безвольная энергия падения превращалась в прицельный удар по ближнему, в свою очередь взмахивающему руками и при потере равновесия сбивающему с ног соседа. Цепная реакция. Никто не имел достаточной крепости устоять.

Когда ему приносили на ремонт часы, он укоризненно смотрел на владельца. Они были беспокойные, эти люди. Дергали устройство для завода, нервно крутили стрелки. Они всегда не успевали или бежали вперед. В разрушительной нелепой широте, размахиваясь, по инерции проскакивали точку необходимости и достаточности.

Вагон резко затормозил. Пассажиры раскоординировались, разнонаправленно толкнулись плечами и одномоментно резко выбросили руки к ближайшим поручням. Рядом с его лицом мелькнула быстрая тень, он услышал лязгающий звук металла, вслед отсроченное эхо струящейся звеньями цепи и поморщился, как от зубной боли.

– Ой!

Он устало открыл глаза, не глядя, быстро нагнулся к услышанному месту падения и вытащил из-под ног пассажиров маленькие блестящие часы. Поднял и начал осматривать механизм.

– Простите. Разбились?

Вагон остановился, встревоженно ощерился со всех сторон телефонами, по спине застучали сумки и пакеты. Оценивая на ходу возможные повреждения, он кивнул в сторону женщины:

– Выходите?

– Да.

Они протолкнулись через поток входящих. Двери выплюнули остаток живого груза на платформу, и поезд с шумом унесся в туннель.

– Простите, разбились?

Женщина стояла рядом, пытаясь поймать его взгляд и не предпринимая попытки забрать часы.

Он бесцветно посмотрел на неё:

– Нет. Но они не ходят. Нужно смотреть.

Он вертел часы в руке.

– Они совсем сломались?

– Нужно разбирать. Скорее всего, ось маятника.

– Вы понимаете в часах?

– Немного.

– Если вам не сложно, подскажите, пожалуйста, в какую мастерскую лучше отнести?

Она посмотрела на часы, но он, казалось, не намеревался их возвращать.

– Я посмотрю. Вам удобно будет подъехать за ними на Лесную?

– Да, конечно, спасибо. После работы.

– Запишите адрес.

Выйдя из метро, он зашел купить корм для Эвелининой кошки. В парадную попал уже затемно, толкнув высокие двери, оставившие на руке крошки коричневой краски. Не разуваясь, снял рюкзак в коридоре, вытащил пакеты с кормом, вернулся на опутанную по жёлтым стенам проводами площадку и постучал в соседнюю дверь со старомодной веревкой на месте дверного звонка.

– Иван, вам очень идут эти джинсы. Вы импозантный молодой человек. Не думайте, что я не вижу, как вы хороши.

Эвелина уверенно тонкими сухими пальцами в серебре расчистила рукой место на ска-терти.

Когда он пришел, она сама принесла с кухни маленький электрический чайник, купленный для неё Иваном к Рождеству, и налила кипяток в свою чашку. И теперь он, подтянув ноги под подножку стула, смотрел, как она мешает ложечкой чай. Ему нравилась её многолетняя привычка жить одной, ему нравилось то, как она прикасается к краю желтого абажурного круга на столе, ему нравились её мудрые, сильные узловатые руки. Ему нравилось, что она не видит и не помнит о его пустой чашке.

Эвелина кружила серебром в янтарном ореоле подстаканника.

– Иван Алексеевич, а что бы вы сделали, если бы выиграла миллион рублей? – она коротко и остро взглянула на него.

– А почему я должен его выиграть? – Иван лукаво прищурился.

– Не должны. Но так просто взяли и выиграла.

Когда она говорила, блестящая застежка, державшая прическу, чертила над ее спиной радужные линии.

– В этой жизни ничего "просто" не бывает, Эвелина Ивановна, – весело вздохнул он.

– Но вы же просите у Бога помощи?

– Прошу.

– Вы просите – и при этом не берете. Как он может вам что-то дать?

Он улыбнулся и широко потянулся:

– Эвелина Ивановна, я всегда готов.

Она отложила ложечку и, чуть наклонив голову, снова посмотрела на него:

– Но деньги вам не нужны.

– Ну почему же не нужны? – он даже повернулся, чтобы лучше слышать.

– Так отчего вы не знаете, куда их потратить?

– Эвелина Ивановна, я буду об этом думать, когда они у меня будут.

– Милый мой, так вы никогда не будете иметь денег и на новую пару туфель. Что ж будет, если Господь пошлёт вам ангела?

– Бесплотного и бестелесного? – Иван рассмеялся.

– Все б вам бесплотного, – Эвелина слегка покачала остреньким подбородком.

– Я постараюсь узнать его, – ответил он серьезно. – Честное слово, не обижу.

– Я вам верю, – она легко улыбнулась, провела подушечкой пальца по краю блюда и, повернувшись, нашла его глаза; через открытый лоб пробежала вертикальная черта. – Вы узнаете его, Ванечка, вы непременно узнаете. Вы не можете не узнать: у вас большое сердце. Но вы отошлете его назад, потому что вы не верите в ангелов. Вы просите и не верите.

– Я еще очень молод, – он снова улыбнулся. – Или уже слишком стар.

Возвращаясь домой, на полутемной площадке долго искал ключи, шарил в карманах. Рука наткнулась на объемный предмет, и он с удивлением извлек маленькие женские часы.

Дома поднес их ближе к свету. Дорогие. Куплены недавно: голубой лаковый ремешок не потерт даже под цепочкой. Аккуратно сделаны. Хорошая работа. Со вкусом у барышни всё в порядке. Повертел занятную вещицу в руке и, автоматически проверив оттопыренным мизинцем пыль на поверхности, осторожно уложил на полку секретера параллельно ровному ряду корешков книг, рядом с фотографией сыновей.

"Ну привет, ребята. Я дома", – он всегда приветствовал их, приходя. И, уходя, говорил: "Пока, я скоро вернусь". Иногда спрашивал, что принести на ужин. Как будто ничего не изменилось. А что, собственно, изменилось? Просто Валерия уехала и забрала детей с собой. Он дал право на выезд. Зачем лишать их будущего? Футбол, экономика, перспективы. Двадцать первый век, нанотехнологии. А он вручную точит ювелирные детали на довоенном станке.

"Да, изящно. Ничего не скажешь", – он снова взял в руки миниатюрный хронометр. Работа всегда утешала его, вносила в жизнь стабильность и покой. Он думал о том, как похожа жизнь людей на жизнь раритетных часов. В жару фамильные металлические маятники удлинялись и заставляли стрелки двигаться медленнее – вся жизнь летом текла медленнее, люди растекались и занимали собой большее пространство. Зимой передвигались перебежками, спешили успеть прижаться друг к другу: в мороз маятник сжимался и сокращал время. Маховики современных ходиков были не столь прямолинейны и сопротивлялись действию внешних сил. Он считал себя современным часовым механизмом.

Иван включил лампу над рабочим столом, перенес туда часы. Подцепил крышку и стал осторожно извлекать золотые детали. Они легко звенели, опускаясь в стеклянный контейнер. За прозрачной стенкой сложная конструкция превращалась в однотипные ажурные горки: зубчики, винты, колеса.

Так и есть. Ось. Самая частая поломка при падении. Обломилась ось маятника – и жизнь остановилась. Остановилось живое дыхание, волнами исходившее от упрямого крохотного устройства, честно качающегося дни и ночи. В любую погоду, без сна и отдыха.

Он чувствовал его глубинную правоту. Он думал, какая великая сила в том, чтобы всю жизнь сдерживать чей-то бег, быть чьим-то оберегающим тормозом, не позволяющим растратиться и повредиться.

Валерия уехала, но у него осталось его дело. Каждый день он читал утренние молитвы и благодарственные на ночь. Он благодарил за то, что она внесла в его жизнь столько света. Он был признателен за ее присутствие в своей жизни.

Яркая, порывистая, талантливая. Увлечшись культурой Проторенессанса, свободно владеющая тремя языками, имея на руках двоих малышей, она взялась за неведомый итальянский. В доме появились Петрарка, Данте, Боккаччо. Он с гордостью выравнивал золотистые корешки на полках. Уважавший себя за то, что может отличить натюрморт от пейзажа, стал узнавать фрески. По крайней мере, то, что фреска – не инструмент и не торец мебели, мог доказать любому.

Его не раздражал неизвестный ему мир. Было интересно. Он наблюдал за вращающейся вокруг вселенной, как котенок за вращением барабана стиральной машины, наклоняя голову то в одну, то в другую сторону. Ему нравились цветные альбомы, запах краски и то, что "папа у нас по карандашам, а мама по фломастерам".

Альбомов было много. Они лежали на полу и на подоконниках. Под кроватью перекатывались рулоны с репродукциями. Одну Лера даже повесила на стене в гостиной. Прямо у телевизора, на мамины обои в цветочек. Она говорила, что пока он смотрит новости, она может одновременно делать два дела: целовать его и писать докторскую. Существенная экономия времени. А картина неяркая, телевизору не мешает. Рисунок ему не нравился, но он, и впрямь, быстро привык и перестал замечать.

Теперь, когда жил один, серый холст откровенно действовал на нервы. В очередной раз, сталкиваясь взглядом, коробился, но так почему-то и не снял. Обычно глаз упирался в прямую крупную женщину с застывшим неподвижным лицом, горделиво громоздившуюся на маленьком веселом осле. Иногда цеплял её мужа, тащившего на своей спине её тяжёлые вещи. Иван допускал, что живописец, имя которого он за три года Лериной диссертации выучил наизусть, видимо, понимал, что делает, но слишком эта дама напоминала железных особ, в немалом количестве проходивших через его мастерскую. Никогда не смотревших в глаза, не слушавших рекомендаций по уходу за приборами, не доплачивавших за упаковку, будто им все были авансом должны за красоту, которую они сами в себе находили, и иные малопонятные преимущества. Он не любил женской неблагодарности.

Странный вкус. Его жена страдала странным вкусом, странными пристрастиями. И безалаберностью. Не сомневался, что она и не вспомнила про свою картину. Даже не подумала. Просто оставила, и все. Как многое другое. Ему пришлось помогать ей паковать вещи, собирать парней, до последнего дня делать документы, разрываясь между работой и домом. Было неприятно, но он был в ответе за своих детей и все еще в ответе за эту одержимую женщину.

Она в не видела берегов, стопоров, не глядя, переносила ногу, не понимая, что переступает границы. Иван поморщился. Ему не хотелось снова думать об этом. В такие вечера он начинал доказывать, спорить, заводился, голова разрывалась от внутреннего шума. Винил себя, что не может удержаться, после видел плохие сны, работа не клеилась.

Она осталась в Италии. Он долго боролся с собой, отчаянно злился, чувствовал себя обобраным, униженным, выброшенным, но благословил её полет. Он был рад, что сделал это. У всех свой опыт. Она хотела его получить – она должна его получить. Молитвы помогали ему сопротивляться и никого не обвинять.

Вопросы веры он с ней не обсуждал. Крестик Лера не носила. На Пасху пекла пухлые куличи, украшала разноцветным фигурным мармеладом и сушеной травой. На Рождество вырезала ангелов и обильно посыпала их липнущими блестками.

Мать и отец в храм ходили и научили его, куда положить записку с просьбой для живого человека, куда – для умершего. Детей крестил, как положено, но специальных знаний не имел и в тонкостях не разобрался.

После отъезда жены и смерти родителей стал бывать в церкви чаще. Заходил перед работой, стоял. Священник подарил молитвослов и календарь с праздниками и историями чудесных исцелений. Простой и понятный. Без особых художественных изысков, отклоняющих ум

от действительно важного. Ему не нужно было объяснять, как легко потеряться за бесконечными завитками и словоблудием.

Может, и хорошо, что она наконец оторвалась. Он давно видел в этой ее ненасытной жажде жизни и нового что-то несдержанное, неприличное. Её движения казались ему хаотичными.

Репетиторы, футбол, языки. Он гордился сыновьями, но все больше чувствовал себя ненужным и неинтересным и все упрямее копался допоздна в мастерской. Вкладывался и развивал свое дело. Молча опускал деньги в старую сахарницу, косился на ворохи книг и бумаг, на вечерние занятия по скайпу. Когда Лера после разговора и смеха с женщиной по ту сторону экрана возвращалась в спальню звонкая и возбужденная, он понимал, что глаза блестят не по его поводу, отворачивался и засыпал.

Он закрывался и каменел, и, когда она сказала, что уезжает, ничего не почувствовал. И никак не менял свою жизнь. Съел ежедневный завтрак с овсянкой, выпил обычный крепкий кофе из синей кружки с золотыми шестеренками на ободке и пошел на работу.

Время не выходило из моды и приносило стабильный доход. За два года он ещё больше поднял свой бизнес, переехал в просторное помещение с окном, платил гравировщику, нанял курьера, но по-прежнему не доверял никому приемку часов и тщательно сам проверял все заказы. Ничего не мог с этим поделать.

Жизнь продолжалась упрямым тиканьем. Как и все обычные люди, он сверял пульс с ходом стрелок, быть может с большей самоотдачей желая соответствовать их четкому, невозмутимому ритму. По часам он определял своё настроение, погоду и характер проходящих к нему в мастерскую людей.

Весь вечер Иван сидел за столом, улыбался, вертя в руках часы на голубом ремешке. Рука маленькая. Цепочка у застежки длинная – наверняка путается, когда она поправляет волосы. Мелкие разводы на металле: похоже, не снимает, даже когда готовит Круглый маленький циферблат: сентиментальна, ранима. Фианиты расположены каким-то созвездием. Он покрутил корпус в разных направлениях, но не узнал каким. Хотя в деревне ночами водил ребят в поля – смотреть, а потом и карту звездного неба купил. Действительно, старость. Он почесал коротко стриженую макушку и улыбнулся. Да сто процентов не спит ночами и дневник пишет! Спорить могу, до сих пор ведет.

Чувствовал себя мальчишкой, играющим в следопыта. Даже коленку со старыми комариными укусами почесал. Крутил лупу, пытаясь найти как можно больше характеристик.

Ремешок узкий и жесткий – строгая. Но толстенький, упругий такой, с прошивкой. Значит, нежная. Наверняка позитивна, смешит коллег и любит приключения – слишком все голубое. Легкий человек. А вот с друзьями не густо: стрелочка секундная бормочет – спокойно не посидишь. Что точно, так это то, что жутко непрактичная. Совсем не боится. Дорогие часы, а противоударника нет. Чуть ось стукнешь – и конец. Хочешь носить долго – бери с амортизатором. Особенно, если баланс тяжелый. Простая логика: не умеешь балансировать – имей защиту от падений и тряски. Жизнь качнет – она тебя подстрахует. Глядишь, и сам жив останешься, и окружающих сохранишь. А так что? Чуть шатнуло тебя, прищемило – и ось сломалась. И, вроде, снаружи ты нов-новехонек, а внутри – не жилец.

Не умеют такие баланс держать. Все куда-то торопятся, жадничают. Нет оси, нет внутреннего стержня. Мотает их из стороны в сторону. Механизм разбалтывается – и летят с катушек. И эта такая же. Что купила? На лаковый ремешок позарилась?

Смутная смесь раздражения и умиления к маленькой, непрактичной, но красивой штучковине, к глупости и наивности хозяйки розово хлопала, затопляя уши. И он, кажется, радовался ей, выдувая очередной румяный пузырь. Хоть бы думали, эти люди, что делают, искали опору. Ничего в жизни не понимают. Обобщение зацепило: он догадывался, что девчонка ни

при чем, что это для Лериных ушей. Но ей часы выбирал он сам. А для разговоров с собой договорился на среду и пятницу. С Эвелиной.

Иван снова улыбнулся и поскреб ежик. Ладно, барышня, поправим мы твои часики. Тем более такие чистые. Даже обслуживать не надо. Не грусти, балерина. Может быть, поможем.

Иван счастливо потянулся и отправился спать.

Стоя в темноте у окна, он молился в колодец глухого двора: "Нет хищения в руках моих, и молитва моя чиста. Для чего ты стоишь вдали и

скрываешь себя? Доколе мне слагать в сердце моем день и ночь? Услышь голос мой – предстану пред тобою и буду ожидать. Призри, услышь меня. Я же уповаю на милость твою. Аминь".

Глава 2. Кресло

С раннего утра колдовал над голубыми часами в мастерской. Придя, запер дверь, повесил на ней табличку "переучет" и до обеда возился с осью: точил на станке, наслаждаясь точностью работы. Он был мастером высокого класса и понимал это. Не каждый будет нянчиться с мелкой непонятной деталью без гарантии. Руки-ноги можно подлатать, но если ломается хребет – откликнутся единицы. Он чувствовал в себе силы спасателя и креатора.

Когда стало темнеть, накрыл маленький механический город янтарной крышкой, бережно отполировал циферблат, положил законченную работу в теплый круг настольной лампы, налил себе кофе, распахнул стеклянную входную дверь, закрепил её крючком и встал с кружкой в проеме, совершенно ни о чем не заботясь, с удовольствием шурясь на людской поток, протекавший мимо.

Время шло, внизу загорался дополнительный свет. Он допил кофе, постоял ещё, придерживая за доньшко остывающую чашку, снова обвел глазами группы людей на эскалаторах и площадках. Проводил подъемы и спуски стеклянных лифтов. Не споткнувшись ни на чем, еще раз осмотрел этажи. И с разочарованием и удивлением начал осознавать, что ничего необычного, видимо, сегодня не произойдет. Скользящая мысль просачивалась сквозь занавесы, развозя накопленную радость в нелепость. Целый день он шел по нарастающей к апогею, разгонялся, как аэробус на взлетке по направлению к феерии и сейчас, поднявшись в небо с грузом хлопушек и фейерверков, не видел возможности приземлиться. Его никто не ждал. Пункт назначения отсутствовал. Он вылетел в никуда.

Иван опомнился, повертел в руке, как будто только увидев, чашку. Стало холодно: по спине сквозило из ближайшего запасного выхода. Он неловко приступил на колено и пошел, прихрамывая, к стойке. Нашел подходящую коробку, положил туда часы, задвинул вместе с бумагами в ящик письменного стола, собрал инструменты, вычистил верстак и, осев, сгорбился на крутящемся стуле.

Холод проползал под штанины, ступни сводило. Он встал, ещё раз прошелся по мастерской, проверил пальцем пыль, подергал ручки. Снял с верстака оргстекло, перенес на стол, перевернул на него стаканчики с инструментами, высыпал пинцеты, отвертки, ключи и наконецники и принялся чистить, перетирать и раскладывать по группам.

Плотная синева за окном сменилась жидкими чернилами, разбавленными молочными фонарными подтеками. Часы показывали десять, гремели закрываемые двери, мимо проходили знакомые продавцы и хозяйева бутиков. Иван несвойственным ему нервным движением бросил последнюю деталь в стакан, выдернул из шкафа куртку, клацнул общим выключателем, шлепнул роллет и, прихрамывая, быстро пошел к выходу.

В магазин заходить не стал. Было слишком холодно. Хотелось одного: прийти домой, налить горячего чая и ни о чем не думать. Стараясь двигаться тихо, быстро пересек площадку, закрыл за собой дверь, скинул ботинки, плюхнулся в старое кресло, вцепился в деревянные подлокотники, задрал голову и, закрыв глаза, помычал. Сначала негромко. Потом сильнее и разборчивей. Стало легче.

Он помолчал, прислушался к разрядившемуся пространству и помычал ещё, прицельно, гоняя из угла в угол тела пару пугливых паровых туч. Потом повернулся в сторону полочки секретера, к парням, но, ничего не сказав, лишь устало прикрыл глаза.

За окном колотили клюшками. Щелкали по его голове. В пустом вечернем дворе каждый удар по шайбе расщеплялся на десяток отраженных цоканий, поднимавшихся от коробки в дымный просвет между домами.

Иван встал, нажал выключатель торшера, достал из ровных рядов хрусталя в серванте граненую пивную кружку, сдул пыль. Принес из холодильника бутылку и перелил пиво в

открытый бочонок. Подарок отцу от предприятия. Отец принес четыре штуки под новый год вместе с авоськой мандаринов, и Ваня был очень горд, что смог прочитать на доньшке "тридцать пять копеек". Сколько ему тогда было? Лет пять-шесть. Он поднял кружку выше и взглянул на дно. Так и есть, тридцать пять. И штамп знака качества. Такой, как ставила в его тетрадах первая учительница.

В тот же год он нарисовал схему расстановки стеклянных фигур на посудных полках, обозначив рюмки пешками, а офицерами – стаканы для вина. С тех пор в дислокации войск буфета ничего не менялось.

Ему нравилось, когда мама перед большими праздниками ставила на большой круглый стол таз с горячей водой, щедро сыпала в него из картонной цветной пачки белую соду, погружала по очереди стекло и хрусталь, мыла, потом натирала до блеска так, что бокалы скрипели и взвизгивали, радостно звенела фужерами. Стекло ловило солнечные блики, а он чувствовал себя полным и счастливым. Потом они вместе выставляли посуду замысловатыми змейками и шахматками, разбавляя прозрачность толстыми лужами радужного цветного стекла.

Он тосковал по дому, по мальчишкам. Распознавал такие дни по тому, что не хотелось здороваться с фотобумагой. На месте любопытных глаз, встречавших его каждый день, стояла цветная картинка с заломанными углами. Он не хотел с ней разговаривать. Он хотел их видеть.

Иван сидел в тишине, изредка стуча ногтем по боку кружки. Сквозь задернутые шторы просачивались прожектора спортивной площадки и цветные заплатки окон дома напротив. Жизнь напоминала ему размеренное качание множества маятников, толкающих плотный воздух. Однажды получив её единым взмахом невидимой и всевластной руки, люди, бойко и радостно звонкнув, начинают свой ход. Со временем размахи ослабевают, но по неумолимым законам в их сутках по-прежнему остается двадцать четыре часа – и мир начинает проплывать всё более медленно. Зимы становятся долгими, а разговоры неспешными. Он чувствовал и себя пролетающим в невероятной пустоте, откуда плохо, как в густом тумане, слышны голоса других.

Мы все подвешены на нити одинаковой длины суетной жизни, одной планеты, одних городов и стран. И качаемся на ней точно так же, как и наши соседи. А при падении у нас сломается ось, и мы встанем. Можно сколько угодно убыстряться, спешить и суетиться, но результат будет одним: ты не размахнешься шире, и бег твой будет постепенно угасать. Когда он думал об этом, ему казалось, что он видит начальный замысел и итог.

На боку торшера красовались зеленые кругляши и ромбы. Когда младшего спросили, что это, он, вытирая о штаны руки в зеленом фломастере, сказал: "Машины". Лера тогда рассмеялась и пообещала, что теперь каждый вечер, когда они будут включать лампу, торшер будет жужжать, как автопарк.

Губы сами собой растянулись к ушам. Каракули напоминали рисунки зеленкой. Когда он падал, мама брала темный пузырек с жидкой зеленью, обильно мочила в ней карандаш с ваткой и рисовала кружок на месте ссадины. А потом добавляла лучи или второе колесо – и Ваня ходил в зеленых солнышках и подводных минах. Иногда его друзья просили нарисовать им что-нибудь тоже – и мама рисовала.

Он прислушался к крикам на хоккейной площадке, перебиваемым сухими щелчками клюшек и шайб. Гудели штанги, ерзали на разворотах коньки. С каждым скрипом сильнее вжимался в высокую спинку, в плюшевые, знакомые с детства накидки. Хотелось впечататься в мягкий ворс, под него, в старое кресло, стать одним из разводов на его обивке. Раствориться в изогнутых линиях деревянного остова, не раз им с отцом переобшитого и пройденного морилкой и лаком.

Он прожил в этом доме всю свою жизнь, знал каждую ступеньку. Так же играл во дворе в хоккей, только коробки не было, и они стучали клюшками между сугробов. Стоял в воротах,

пропуская гол всякий раз, когда мама, высунувшись в форточку, звала домой. Под кожей у старого кресла текла родная спокойная кровь.

Свет фонарей не спеша бродил по стене. Проезжавшие машины оглаживали фарами песочно-серое пространство по ногам людей и осла. Кусок старой стены с потертыми красками на облупившейся штукатурке нес вдоль обоев мемориальную женщину с решительным лицом и ребенком на коленях. Они снова были одни: полированная стенка, платяной шкаф с ключом, плазменная панель телевизора и вечная процессия – женщина, ребенок, пожилой мужчина и странный коренастый ангел с дымчатым хвостом вместо ног. Только Лера могла составить из всего этого будни. Для Ивана их было слишком много.

Он выплыл на поверхность. В тишине и голове тикали клюшки. Посмотрел на тапочки на вытянутых под журнальный стол ногах – до тошноты хотелось есть. Но он пересилил себя. Выдвинул подбородок, подтащил ноги под кресло, поставил стакан, стянул через голову джемпер, расстегнув манжеты, стряхнул рубашку, бросил на спинку кресла и пошел спать.

Глава 3. Вероника

Вероника отмахнула толстое полосатое полотнище к левому краю окна, правое отвела к правому и завернула за белый мебельный крючок на стене. Витиеватый рожок, за который, как за уши, заправлялась занавеска, радовал глаз и руку и хорошо держал тяжелую штору. "Я – молодец", – похвалила она свою изобретательность и золотые руки. Через белый тюль рассеялся свет.

– Зачем? – не поворачиваясь, простонало одеяло.

– Затем, что утро. Вставай, соня.

Вероника села на край кровати, туго обхватила плечи дочери ватным краем, обняла и прижалась щекой:

– Вставай, зайка.

Тоня дернула плечом, вырвав одеяло из-под ее руки, натянула его на голову и, сжавшись, сильнее уткнулась в подушку.

– Вставай-ай, – Вероника осторожно провела по жесткой спине.

Спина молчала и топорщилась. Она неуверенно погладила шероховатый ситец.

– Вставай, ребенок, – повторила она шепотом.

Тоня цыкнула, оттолкнув её руки, резко отбросила одеяло, отшатнулась к другому краю кровати, протиснулась между столом и стулом и, с силой вбивая пятками в плиты пола линолеум, вывалилась в коридор. Затрещали выключатели, что-то билось и падало. За хлопком двери туалета полилась вода.

Вероника осиротело свернулась. Подтянула мгновенно высохшие ладони к животу и, перегнувшись через них, проводила удаляющийся звон. Переждала, пока текущая за стеной вода не заполнила все пустоты, покачалась, пошевелила краем воронки рта, сглотнула, медленно подняв, вытянула вперед подбородок и сощурилась на поднимавшееся солнце. По тяжу, натянувшегося по шее к груди, ползли теплые блики. Они грели и ласкали уставшую кожу.

Мимо, обдав раздражением, протопала Тоня, выхватила из-под покрывала растянутый подол кофты. Зацепившись за что-то пуговицами, ткань, отпружинив, хлестанула Веронику по лицу. На смеженных веках остались горячие следы. Девочка возилась рядом, перебрасывала подушки, ища свои вещи.

Вероника потрянула головой:

– Тоня, ты меня задела.

Девочка надуту пыхла. Демонстративно повернувшись задом, натягивала джинсы.

– Тоня...

На ходу застегивая ширинку, та грубо прошвыркнула перед её лицом.

– Поешь, пожалуйста, – Вероника встала.

Сбивая мотающимся рюкзаком косяки, девочка выдернула из двери лязгнувшую связку, бросила на тумбочку и трижды повернула свой ключ с другой стороны.

Пытаясь найти опору, Вероника подалась вперед, но под шеей было пусто. Она прислонилась к косяку, снова подняла подбородок в солнце, сильнее слепила веки и дала себе время посмотреть, как преломляются сквозь теплую мутную воду разноцветные блики. В носу стало мокро, она шмыгнула и слизнула с губы соленую каплю.

Где-то внизу появились руки. Вероника быстро наклонилась, наугад разгладила покрывало, собрала по кровати подушки и вдруг, снова смяв расправленный край, быстро разложила всё по местам: так, как оставила девочка.

Входную дверь толкнули. Быстро улыбнувшись, она двинулась навстречу. Обдав холодом, оставляя за собой прелые листья в мокрой глиняной крошке, Тоня уложила расстояние от порога до кровати в несколько ударов ботинками и столько же взмахов проводов наушников,

перетряхнула вещи на кровати, вытащила тетрадь и так же, глядя в пол, исчезла в дверном проеме.

– Тоня! – Вероника вылетела вслед на площадку – вниз по лестнице быстро удалялись шаги. – Таблетку, пожалуйста, выпить не забудь.

Она вернулась в дом, сунула холодные ноги в тапочки. Быстро обойдя столы и тумбочки, нашла телефон, нажала на первое в списке "АААТоня", набрала: «Прости. Выпей таблетку, пожалуйста». Телефон, пикнув, сглотнул.

Бросив его в сумку, быстро вернулась на кухню, захлопнула в холодильник оладьи, повернула налево вентили кранов, отопнула тапочки под диван, на секунду задержалась с носками с прилипшими листьями и всё же запихнула их в таз. Колготки, брюки, лифчик, свитер – всё, как оставила: на стуле. Пара секунд на чистые носки в комод.

Роясь в сумке, она выкидывала чеки и фантики. Нога привычно искала ботинок. Проездной, карты, вытрясла ключ от кабинета, куртка, ключи. Верхний, нижний.

Нижний, верхний. Она вернулась, написала записку, прислонила к сахарнице: «Поешь, пожалуйста. В холодильнике котлеты и салат. Яблоки нужно помыть». Перешагнув порог, снова вернулась, открыла холодильник, достала пару яблок, кинула в мойку, закатала рукава, тщательно вымыла зеленое и красное, вытерла салфеткой и положила красиво на тарелку посередине стола. Вычеркнула из записки «нужно помыть», дописала рядом: «Помыла. Целую, мама», оперла записку о яблоки и выскочила из дома.

Выбежав из подъезда, посмотрела на часы. На месте циферблата зияла голая кисть. Перчатки забыла. Она посмотрела ещё раз, пытаясь поймать информацию. Время шло, времени не было. Сморщившись на запястье, вспомнила: метро! Часов нет. О Боже. Последний заряд батареи потрачен на сообщение.

Закинула ремень сумки повыше, подхватила за дно, плотнее прижала к боку и, не в силах бежать, придерживая, чтобы не оборвать ручки, тяжело дергающую плечо ношу, припрыгивая, мелко засемила в сторону метро, на ходу оценивая время, которое ей придётся потерять, если она остановится.

Навстречу гуляли пенсионеры с собаками, тёточки на лавках, мамы с колясками. Наступая в лужи и грязь, она крутила головой, просчитывая возможную скорость реакции прохожих. В конце дорожки показался парень с телефоном в руке. Она выпустила в его сторону: «Подскажите, пожалуйста, который час». Он недоуменно поднял глаза.

– Ничего, простите, – она не имела возможности останавливаться.

– Сколько времени, скажите, пожалуйста? – сложно было задать более дурацкий вопрос в переполненном в утренний час-пик метро. – Я телефон дома забыла.

– А..., – понимающе протянула девушка.

Вероника мысленно переложила озвученную цифру на циферблат, закрыла глаза и попыталась вспомнить, что обычно ощущает и делает, когда стрелки стоят в таком положении.

Давление в вагоне резко подскочило, ее схлопнули и придавили справа и слева. С облегчением прижав к груди сумку, она дала себя вынести. Оттолкнувшись от твердого мрамора станции, вынырнула из толпы, как могла, увеличила шаг, автоматически свернула налево и попала во встречный поток, спускавшийся с лестницы. О нет. Это была другая ветка.

Быстро сдавила мгновенно вспучившуюся под ребрами волну, чтобы та не успела ударить в уши. Тихо-тихо-тихо – резко развернулась и встроеилась в обратную реку, бурлящую по направлению к платформе, на которой вышла. Раз-два-восемь, раз-два-восемь. Это всего лишь две минуты. Я потеряла всего один поезд. Не больше четырех минут. Всё нормально.

Люди копились. Поезд не шел. Она крутила руку с несуществующим механизмом так, что ей слышалось, что пружина начала проскальзывать и щелкать.

– Скажите, пожалуйста, сколько времени?

Эскалатор не давал двигаться быстрее. Не было сил обходить пассажиров и обгонять поднимающиеся ступени. Шапку. Использовать время, чтобы надеть шапку. На выходе через две – брюки не позволяли перешагивать больше чем через два порожка.

Корпоративная развозка от метро к терминалу останавливалась за углом. Вероника прибавила шагу. Быстро светлело. Обычно, когда появлялась видимость, они уже выгружались у офиса. Чтобы не терять время, она сразу повернула на дорогу к складам. Ноги разъезжались по жидкой грязи. Две остановки – пятнадцать минут. Обгонявшие сзади грузовики обдавали душным теплом. Надо перейти. Она повернула голову и увидела выворачивающий из-за угла микроавтобус с красным «Строим вместе!» на лобовом стекле. Развозка! Рука бесконтрольно замаячила на максимальной амплитуде.

Она поймала ручку притормозившей газели, на ходу захлопнула за собой дверь и, угадав свободное место, провалилась в кресло. Тяжело дыша, стянула шапку, сунула в сумку. По очереди открывая карманы, разыскала пачку разовых салфеток и, развернув в узком проходе ногу, стала счищать засохшие брызги с низа брюк.

– Это мы её ждали? Весь график сорвался. Я на совещание опаздываю!

Пятна не оттирались. Вероника скомкала салфетку и затолкала в боковой карман сумки. Там было уже несколько таких же, оставивших на подкладке белесые разводы. На обратном пути. На обратном пути наведу порядок. Она вытащила телефон и попыталась включить. Максимум подростковый. Когда уже он закончится. Девочка нервничает, я нервничаю. Главное, чтобы таблетку не забыла выпить. Телефон не отзывался.

– Почему мы должны всех ждать? В конце концов, есть рейсовый автобус. Если отделы не способны соблюдать, нужно выделить для руководства отдельную машину. Я подниму сегодня этот вопрос.

Сквозь дырку между креслами Вероника видела два блондинистых профиля в завивке и уши с длинными камнями. Бухгалтерия. Методично нажимала на боковую кнопку, пытаясь вызвать заветные тридцать секунд свечения.

– Естественно, компания не должна оплачивать проезд опоздавших, – выступило левое кресло.

Экран вспыхнул, она судорожно начала набирать текст – и он тут же погас.

– Премии нужно лишать за опоздания.

Палец продолжал давить на клавишу включения. Плоский ненужный пластик!

– Тогда неповадно будет.

Вероника поняла, что экран больше не загорится.

– Люди просто не хотят у нас работать.

– Вы не меня ждали! – крикнула она в пространство между сидениями впереди и бросила телефон в сумку. – Автобус не меня ждал.

Правая дама медленно повернулась к другой и сделала круглые глаза. Вторая, многозначительно кивнув, показала ей в ответ взгляд, полный ледяного презрения настолько, что было невозможно донести его до Ники, не расплескав. Они даже не повернули к ней головы.

"Господи, премия. Просто промолчи", – она сцепила пальцы и отвернулась к окну.

Расписываясь в журнале на проходной, посмотрела вниз: брюки грязные. Охранник тянул через трубочку жидкость из большого кофейного стакана с крышкой, глядя, как она по очереди перебирает свободные турникеты, пытаясь найти работающий.

В лифте сняла пуховик, поднявшись на этаж, притормозила перед входной дверью в офис, пропуская инженеров, поднимавшихся с производства, поздоровалась, поддерживая беседу о погоде сочувственным киванием, дофланировала в общей группе до кабинета и, попрощавшись, шмыгнула за дверь. Стараясь не оборачиваться, повесила вещи в шкаф, включила компьютер, взяла маркер и, подойдя к доске у стеклянной стены, написала на ней пару длинных красных чисел. Разворачиваясь, глянула украдкой по сторонам. Из соседних боксов

на неё смотрели. Она вернулась к столу, села, не отводя взгляд от экрана, придвинула к себе стопку бумаг и так же, не поворачивая головы, улыбнулась краешком рта в сторону соседнего стола:

– Привет.

Молодая женщина, мелодично жужжавшая маникюром по клавиатуре, перебросила взгляд на следующий файл в стопке открытых:

– Добрый день. Что за совещание с утра?

– Никакого. Пристроилась, чтоб одной по коридору не идти.

– Ясно. Дома что?

– Часы сломались. Можно я зарядку возьму?

– В ящике под принтером. А что за цифры тогда?

– Скорость света. В метрах и километрах. Спасибо.

Благодаря Ириной хозяйственности в кабинете было все, в том числе пара длинных переходников.

– А-а. Забавно. Тебя Марковна спрашивала.

– Давно?

– Пару минут назад.

– Надо же. Пойду покажусь.

– Расчеты пришли. Блок с распашными, два – с глухими.

– Сейчас, – значок заряда замигал; Вероника нажала на кнопку – экран неуверенно поморгал и загорелся. – Слава Богу.

Она быстро набрала: «Как ты? Не сердись, выпей таблетку. Нам ехать скоро». Отправила. В туго набитой правой колонке переписки висело восемь её непрочитанных сообщений. Она удалила все предыдущие вместе с "люблю тебя", оставив только последнее, про таблетку и поездку.

– Камеры, убери телефон, – Ира переживала за нее, это было приятно.

– И без камер кругом стекло. Пиарщики вон играют.

– То пиарщики, а то – ты.

Вероника сунула телефон в ящик стола, задвинула, прижав провод.

– Я к Елене Марковне.

– Расчеты до двенадцати техникам.

– Я поняла.

В полутемной приемной горели только два плоских матовых блюда над ресепшеном.

– Добрый день, Елена Марковна у себя?

Секретарь окинула её взглядом, задержавшись на бровках.

– Елена Марковна у себя? Можно к ней? – повторила Вероника.

– Добрый день. У Елены Марковны гости, – сдержанно ответила девушка и продолжила печатать.

– Когда можно подойти?

– После обеда, – секретарь выдавала информацию точно отмеренными мелкими порциями, по запросу, но, помолчав, вдруг распевно добавила: – Если они не уедут.

– Могу я позвонить и узнать?

Девушка отложила работу и повернулась к ней:

– Вы можете записаться на прием – и вас уведомят.

– Хорошо. Когда это будет?

– Завтра. Елена Марковна обычно планирует свой день с утра.

– Елена Марковна у себя? – спросил за спиной у Вероники приятный мужской голос.

– У неё гости, – не меняя тона, повторила девушка.

– Спасибо, я на минутку.

Менеджер из дилерского отдела, пройдя мимо Вероники, нажал ручку двери зама и одновременно сделал два легких контрольных стука. Не дожидаясь ответа, открыл, обдав приемную фонтаном свежих возгласов и смеха.

– Могу я попасть СЕГОДНЯ? – уверенно нажимая на последнее слово, спросила Вероника, глядя прямо на девушку. – У меня срочный вопрос. Елена Марковна просила зайти.

– Тогда заходите, – сказала секретарь очень спокойно и продолжила выбивать из клавиатуры целлулоидный стрёкот.

Вероника с тоской посмотрела на кабинет, подошла к двери, занесла руку, постояла и повернулась к ресепшену:

– Запишите на завтра.

– Ну что, нашла?

Ирина все так же ровно цокала по клавишам.

– У неё гости, – ответила Вероника и глянула на свои неровно подстриженные ногти. На маникюр можно прожить три дня. А при хорошем раскладе и неделю. Но лака и стрекота, конечно, хотелось. "Может, с премии", – решила она, сразу зная, что не с ближайших.

– Ну, это может затянуться. Подай заявление в кадры.

– Я хотела сначала получить её согласие. Подумает, что игнорирую.

– Ты не успеешь. До утверждения графика осталось две недели.

Ирина была права, но рисковать испортить отношения с замом не хотелось.

– Я попробую попасть к ней завтра. У меня техники до двенадцати.

– Они звонили уже. Ты обедать с нами пойдешь?

– Я не успею, наверно.

Вероника грустно обвела взглядом срочные задачи. Попутно констатировала, что начать соблюдать режим с сегодняшнего дня, видимо, уже не получится.

Невесело, конечно. Надо было встать раньше. Острая маленькая ненависть к неорганизованной неопрятной женщине, в теле которой она вынуждена жить, пронзила до пяток. Испытав облегчение, она придвинулась ближе к экрану.

– Как знаешь. Надо наводить мосты в коллективе. И желудок беречь.

У Ирины зазвонил телефон – и она переключилась на мужа.

Вероника чертила, считала. Прижав черную стационарную трубку плечом, стучала по клавишам, поглядывая в ящик стола, где лежал мобильный. Посреди дня ящик завибрировал, она подхватила – на экране висело уведомление: «Батарея заряжена». Вышла в курилку и набрала Тоню. Телефон не отвечал. Она набрала еще пару раз, скинула сообщение. И тут же стерла.

– Господи, слава Богу, ты дома, – Вероника поставила сумку с продуктами на пол в коридоре. – Я тебе целый день звонила.

Скинула ботинки и подошла к комнате дочери, где горел свет.

– Можно?

Ответа не последовало.

Вероника заглянула. Тоня сидела за столом в наушниках, спиной к ней и, поставив одну ногу на стул, что-то писала.

– Тонь. То-ня.

Девочка не поворачивалась. Вероника подошла и прикоснулась к плечу – девочка вздрогнула и подскочила на стуле:

– Блин! – она с отвращением полыхнула глазами и стянула наушники.

– Ты что?

– Трындец, ты меня напугала.

– Прости, я зову тебя, зову.

– Я не слышала.

– Я писала тебе сегодня, ты не ответила.

Девочка промолчала.

– Ты таблетку выпила?

– Выпила.

– Вовремя?

– Тебе спросить, что ли, больше не о чем?

Вероника растерялась:

– Почему не о чем? Но это важно. Важно пить их по часам.

Вышло как-то вязко и отвратительно менторски. Тоня иронично вскинула брови:

– Кому важно?

– Тебе важно, Тоня. – Вероника хотела быть убедительной. – Иначе всё лечение может оказаться зря.

– А сейчас не зря? Сейчас, типа, у меня всё норм, – девочка покривилась и хмыкнула в книгу.

– Тоня, это, возможно, долгий процесс.

– Какой долгий? – девочка резко развернулась. – На фига тогда мне эта твоя отравка? У меня от неё всё чешется. Ты это видела? Что это? – она подняла указательным пальцем бровь.

– Что, Тоня, я не вижу.

– Очки надень. Что тут не видеть. Что это за фигня? Это от таблеток твоих. Она не пройдет теперь. Я теперь ещё и с бородавками на лице ходить буду? На фига мне такое лечение? Чтобы я совсем уродиной была?

Голос балансировал, норовя сорваться в крик или слезы.

– Тоня.

– Что "Тоня"? Что мне с этим теперь делать? Куда я такая пойду? От этой дряни я только пухну и потею, у меня всё чешется. Я мокрая и вонючая. Я ненавижу всё это! – она брезгливо потрянула руками.

– Тоня.

– Что "Тоня"?! Я говорила тебе: я не буду это пить. Я тебе говорила?! Сама пей эту свою дрянь!

– Тоня, но больше ничего нет

– Так и не надо ничего! Не надо. Я тебя просила?

– Но нужно же что-то делать?

– Сдохнуть нужно.

– Что ты говоришь? – между лопаток заерзали мелкие тоскливые мурашки.

– А что такое? – насмешливо протянула девочка, развернувшись прямо на неё. – Что это тебя вдруг забеспокоило? Раньше тебе не было дела.

– Ну как мне до тебя не было дела? – Вероника удивилась. – Я всю жизнь с тобой.

– Какую жизнь? Что ты обо мне знаешь?

– Тоня, я о тебе всё знаю, я родила тебя и живу с тобой всю жизнь, – она улыбнулась, почувствовав надежную опору в этой неоспоримой правде.

– Да у нас с тобой не было никогда нормальных отношений! – вдруг взвилась девочка. – Ты ничего обо мне не знаешь! Ты ни друзей моих не знаешь, ни в каком я классе учусь. Ты ни на одном собрании не была! Я пишу, как придурок. Ты что, к логопеду не могла меня отдать?!

– Ты в девятом классе. Я не могу ходить на все собрания. Я работаю.

– Вот и работай дальше, – девочка отвернулась и натянула наушники.

Вероника устало качнулась:

– Таблетку выпей, пожалуйста.

Она занесла сумки на кухню, включила воду и привычно потянулась к запястью. Кроме синего чернильного крестика, поставленного, чтобы не забыть вернуть долг, на нём ничего не было. Она поставила ещё два: забрать часы из ремонта и зарядить телефон.

Глава 4. Пальто

Она очень устала. Но уснуть не могла. Лежала, прислушивалась к звукам за стеной. Музыка в Тониных наушниках угадывалась по смене не прекращающихся однотипных прес-сующих наплывов и вакуумов. Глухо стучало, скрипело, периодически двигалось и падало что-то тяжелое.

Боролась с желанием напомнить, что уже много времени, нужно отдыхать, завтра рано выходить, школа, но не решалась. Не хотелось, чтобы естественная просьба о ночной тишине превратилась в повод снова вспомнить накопившиеся обиды. Или просто не хотела вставать. Крутилась, перебирала подушки. В конце концов поднялась, дошла до соседней комнаты, немного посомневалась, нужно ли стучать, заглянула. Девочка по-прежнему сидела спиной к двери, качала замысловатой гарнитурой на голове и что-то чертила.

Вероника не стала ее окликать, походила туда-сюда по коридору, выбирая, на что решиться. Отвага поиссякла, и она грустно вернулась к себе. Заколола потуже волосы, взяла телефон и стала перебирать планы на завтрашний день. Тут же, как всегда, когда она переставала усиленно думать о проблеме, пришло решение. Быстренько набрала: "Тоня, разбуди меня, пожалуйста, завтра, как встанешь. У меня что-то с телефоном". Знала, что наверняка проснется раньше, но это был проверенный бесконфликтный способ поговорить, выяснить, что они не в ссоре, подтвердить свое расположение и доверие и заодно напомнить о раннем подъеме.

Сообщение ушло. Ника повеселела и вернулась к календарю. "Итак, завтра я забираю часики. Завтра у меня часовщик. Это уже интересно". Спать расхотелось. Встала, открыла шкаф, вытащила пальто. Единственное пальто, которое надевала только по случаю корпоративов или учебы в головном офисе. Оно всегда висело под плащом, из которого выросла Тоня. Для защиты. И там же должен быть платок, специально для него. Подобрала пару лет назад. Сочетаются идеально. Фиолетовый к серому.

Она развернула шарфик, сняла с него несколько катышков. Нашла юбку, которую обычно надевала под пальто. Натуральная замша. Не мнется. Из моды не выходит. Почти как сейчас носят. Качество отменное. Поскребля кожу пальцем – поверхность местами лоснилась. Ника взяла резиновую щеточку для обуви, потеряла ею пару пятен – лучше не стало. Она перевернула юбку. С обратной стороны ситуация была попривлекательнее. "Нормально. Я буду в пальто, нюансы сзади – никому не видно". Она повесила юбку на плечики рядом с шарфом.

"А вдруг пальто придется снять?" Вот как всегда, только все решилось! Ника остановилась и стала озадаченно крутить в голове варианты: "Предложит выпить кофе? Она упадет в обморок?" Больше на ум ничего не пришло. "Расстегну пальто и буду падать в обморок в нем. На спину. Потом скажу, что запачкалась при падении, – она любила себя в таком настроении. – Отлично. Я – молодец".

Она оглядела вытащенные вещи. Красиво ведь. Для такого случая можно и пальто. В метро только не садиться и выйти пораньше. Да потому что он приятный. А мне хочется нравиться. Так романтично. Уронила часы. Милые. Голубые. Он поднял. Он часовщик. Судьба. Может, в её маленькой жизни снова появится мужчина. Ей хотелось быть элегантной. Легкой, обаятельной. Не такой, как сейчас. Такой, какой она была задумана. Тоненькой, нежной. Чувствовать спиной ветер. Она разогнулась, выпрямилась. Провела рукой по шее, сняла резинку с волос. Покрутила головой. Ой, нет. Снова собрала волосы. Нет, Ника. Остановись. Будет трудно снова собрать себя. Нет.

Он такой спокойный. Не суетится. Сказал: "Починю". Ее даже не спрашивал. Часы такие крошечные в его руке. Маленькие, искренние, нежные женские часики. Как будто маленькое бьющееся сердце, которое остановилось. И он его отогреет – и они пойдут снова. Ника сидела,

опустив руки на колени, и улыбалась. Она должна быть этой женщиной, которую он ждет. Той романтичной, легкой, воздушной.

Юбку надо надеть. У неё красивые длинные ноги. Она задрала халатик и покрутилась перед зеркалом. Потрясающие ноги. Ника опустила ладошки на низ живота, невольно встала на цыпочки и повернулась к зеркалу одним боком, потом другим, прокрутилась на носочках и повернулась попой. Очень красиво. Она и не помнила. Разглядывая, отставила попу назад. Ух ты. Потрясающе. Потянулась дальше. Да-а-а. Под руками прокатилось тепло. Рука невольно скользнула вверх, по животу, к груди. Оф-ф. Она улыбалась, глаза блестели. Подняла волосы, вытянула губы и послала сонный поцелуй девушке в зеркале.

Эу, Ника, что происходит? Она блаженно сощурилась: "Я красотка. Я красотка". Тепло расплзлось. Стало жарко дышать. Она не могла остановиться и погладила себя снова, осторожно, не спеша, наблюдая в зеркало, как отзывается тело: прошлась ладонями по бедрам, животу, груди. Остановилась. Медленно на восемь счетов выдохнула через сложенные трубочкой губы. Глотнула воздух, выдохнула ещё раз и, улыбаясь, запахнула халат.

Стоп-стоп-стоп. Ника села на край кровати. Глаза сияли. Спина распрямилась струной. Она чувствовала всё тело. От кончиков пальцев ног. Через ступни, голени, грудь, затылок. От кончиков пальцев рук, через длинные перегоны, пути, проливающиеся по плечам, вдоль гибкой шеи к недосыгаемой вытянувшейся макушке, приклеившейся к потолку.

Ника. Что ты делаешь? Не распускайся. Ты не сможешь работать. Нужно сосредоточиться. Мужик тут ни при чем. Нужно просто забрать часы. Будет глупо и стыдно, если он поймет. За версту видно, что у тебя никого нет. Дергаешься от любого взгляда. По цеху ходить не можешь. Поговорить нормально. От любого слова вспархиваешь. Так и хочется прижаться. Щетину потрогать. Необласканная. Грубо как. Но так же.

Проблема. Надо как-то решать. Через уши уже лезет. Ника грустно посмотрела на ноги. Да что тут такого? Она просто наденет пальто! И сережки с белым стеклом. С ними глаза ярче. Она порылась в комод, вытащила коробки с бижутерией, шпильками и батарейками. Нарыла среди булавок сережку.

Дверь распахнулась:

– Где утюг?

Она растерялась.

Тоня странно глянула на пальто. Обвела глазами бардак в комнате: выдвинутые ящики, шарфы, майки, носки, домашние трико и футболки, – но ничего не спросила.

Вероника смутилась:

– Это я порядок навожу. Ты не видела вторую? – она показала Тоне найденную сережку.

– Нет.

– Совсем закрутилась, ничего найти не могу.

Вероника засуетилась и затолкала вешалку с пальто в шкаф. Потом опять вытащила.

– Тоня, посмотри, пожалуйста, это шарф не очень старомоден? Можно надеть? Мы завтра с коллегами встречаемся. Я не совсем уверена, что такие сейчас носят.

– Я не знаю, – Тоня закрыла дверь.

Вероника погасла. Посидела немного с вешалкой. Повесила на место. Залезла в телефон, набрала: "Модные шарфы". Полистала ленту. Да нет, вроде, ничего, носят.

Легла, крутилась, не могла заснуть. Уткнулась в подушку. Засунула руки под футболку. Провела по груди, обняла себя за плечи – стало теплее и легче. Немножко полежала, потом тихонько встала и плотнее закрыла дверь в комнату. Подумала, снова порылась в коробке с металлическим хламом, нашла колокольчик с Тониного выпускного и попробовала прикрепить на ручку двери. Он оглушительно звякнул. Ника вздрогнула и быстро зажала ему рот ладонью. Засунула палец в пространство рядом с язычком и осторожно положила назад в коробку.

Ей стало неловко за явную глупость. Нашарила в темноте стул, подперла им дверь. Посуетилась и поставила на него еще настольную лампу на длинной ножке. Только бы самой утром не забыть и не врезаться в это. Снова забралась под одеяло. Секунду колебалась. Стянула пижамные брюки, подтянула колени, обхватила, погрела руками пальцы ног, погладила уставшее тело. Засунув руки под мышки, обняла себя, свернулась калачиком и уснула.

Глава 5. Альпы

Утром, одеваясь, Вероника спохватилась про колготки. Как можно было не вспомнить! Снова выдвинула ящики, нашла мешок с разноцветной синтетикой. Время поджимало. Черные, наверно. Одни были с затяжками, на вторых – дырка. Вытряхнула новые из пачки. Тонковаты, конечно. Потянула – за пальцем побежала длинная стрелка. Да нет же! Безумно жалко. Так ни одни до вечера не доживут.

Она схватила большой пакет. Затолкала туда юбку, мешок с колготками, чистые носки. Что ещё, что ещё? Бросила пакет у выхода. Стянула с волос резинку и метнулась в ванную. Вода перебивалась с горячей на холодную. Кое-как вымыла голову – жутко замерзла и сильно обожглась. С полотенцем на голове залезла в джинсы, попрыгала. Подсушив, быстро накрутила концы волос.

Спираль шелково свивались. Она покрутила головой – локоны гладили и щекотали кожу. Приятно и провоцирующе. Хотелось открыть плечи, чтобы чувствовать упрямые упругие прикосновения целый день. Времени не было. Она опаздывает! Но спущенная с заржавевшего крючка дремавшая непокорность неотвратимо разжимала мозг и дыхание. Сопротивляться было невозможно. Только пытаться притормозить, чтоб не снесло. Ника схватилась за плечики и быстро, как костяшки счетов, начала их перекидывать. Нет, нет, нет. Сколько раз говорила: вешай каждую вещь отдельно. Она задирала верхние, пытаясь догадаться, что там внизу. Запуталась. Стала выбрасывать проверенные на кровать. Нет, нет. Вот! Порылась под слоями, вытащила футболку с длинным рукавом и вырезом лодочкой. Подглядеть. Утюга на месте не было. Ладно. Ладно. Не психуй. Нормально. Не сильно мятая. Немножко небрежности. Это неплохо. Лучше, чем прийти в накрахмаленной. Свободней. Не слишком официально. Натянула. Не удержалась и снова повела головой – локоны вспорхнули и лизнули плечо. Уф-ф. Ника улыбнулась.

Глянула на руку, схватилась за телефон. Боже мой, уже должна была выйти. Выудила из контейнера тушь. Хотя бы немножко. Тоню бы разбудить. Рука промазала, оставив на веке жирную черную кляксу. Ну как всегда! Вот что теперь? Один глаз накрашен. Выдавила на ватный диск крем, прилепила к ресницам с краской и принялась стирать, вторым глазом и рукой разыскивая и кидая в косметичку помаду, кисточку с румянами, крем, насыпала ватных дисков. Что ещё? Сунула пару коробок какой-то пудры. Разлепила стертый глаз, переложила диск с кремом на размазанный, засунула косметичку в сумку. К Тоне заглядывать не стала. Та не разбудила ее, конечно. Из метро позвонит. Проверила бутерброды в холодильнике, лицо – в зеркале в коридоре и побежала вниз по лестнице.

Многолетняя тренировка не подвела. Метро, развозка, турникет. Можешь, когда захочешь. Вероника, улыбаясь, залетела в кабинет. Джинсы подтягивали. Кудряшки прыгали.

– Привет.

Ирина, изучавшая себя в зеркале пудреницы, выглянула из-за него:

– Привет, – оглядела: – Ты чего такая?

– У Тони собрание.

– А-а, – Ира снова недоверчиво и оценивающе глянула: – Ну ничего так.

Ника повесила пальто в шкаф, быстро размотала шарф, сунула пакет в тумбу стола, села, мотнула головой, счастливо зажмурилась, придвинулась ближе к экрану, скрестила под столом лодыжки и, радостно вздохнув, включила монитор.

Ирина поглядывала на неё.

– Вероника Сергеевна, ты бы объект закончила. И возьми вот, отработай, – она протянула Нике папку. – Я всё-таки начальник твой по должностной, хоть и формальный.

– Конечно, сделаю, – Ника, не глядя, положила папку на стол.

Ира скептически покосилась:

– Ну смотри, там срочное. После обеда я должна сдать.

– Хорошо. Я успею.

Все утро Ника молотила по клавишам, отработывая заказы. Потом спохватилась, вытащила телефон: "Тоня, доброе утро. Я там вещи разбросала. Приду – уберу. Суп в холодильнике. На столе новая пачка с лекарствами. Я сегодня задержусь".

– Добрый день, коллеги, – дверь открылась, и зашла Елена Марковна. Как всегда бодрая, подтянутая, элегантная.

– Добрый день, – Вероника искренне тепло улыбнулась, бросила телефон в ящик стола и подалась вперед.

Она испытывала искреннее уважение к заму. Та не говорила лишних слов, была собрана, работоспособна, обладала коммерческой жилкой и при этом была невероятно женственна. Мужчины компании её боготворили. Она умела широко смеяться и кокетничать, увольнять и покровительствовать, привлекать инвесторов и низвергать зарвавшихся партнеров. Ника хотела быть на неё похожей. Идеальный порядок в документах, и свобода выбора и передвижений. Идеальное спокойствие. Не увольняла декретниц, выписала матпомощь уборщице, у которой заболел муж, выбивала премии к новому году и женскому дню, лично приглашала охранников на корпоративы, шла навстречу. Ника любила её и была рада встречам.

– Коллеги, хочу вас поздравить. Ваша идея с открытием отдела по подготовке проектов для крупных организаций нашла отклик в дирекции. В понедельник прошу быть готовыми выступить на встрече. Руководство намерено вас выслушать. Десять минут на юридическое обоснование необходимости сопровождения вам, Ирина Александровна, и десять минут вам, Вероника Сергеевна, как автору идеи, – кивнула зам, взглянув на обеих по очереди. – Я рада за вас, – и, выдержав нужную паузу, повернулась к Нике: – Надеюсь, Вероника Сергеевна, вы используете свой шанс.

Ника видела, как через стеклянные внутренние стены коллеги из соседних отделов с интересом наблюдали за тем, что у них происходит.

– Елена Марковна, мне по кредитам и долгам можно будет вопросы согласовать? – быстро спросила Ирина, пытаясь поймать уникальную возможность урегулировать проблемные моменты на личной встрече с администрацией.

В этот момент раздалось мычание и треск – все повернули головы в сторону Ники. Она сама вздрогнула и обернулась в сторону гудения. Все смотрели на неё. "Телефон", – поняла она прежде, чем увидела, и схватилась рукой за стучащий от вибрации ящик.

– Простите, простите, звук не выключила.

Елена Марковна тактично замолчала. Ирина смотрела на Нику с явным отвращением.

– Так что, Елена Марковна, будет у меня возможность задать вопросы по долгам предприятия и поставщикам? Информация нужна до конца года. Я не сумею отработать все до дедлайна без предварительной встречи.

Зам все так же ждала, глядя на Нику. Та вытащила телефон и копалась с кнопками, переключая его на беззвучный режим. Телефон издавал всхлипы и несколько раз проиграл, убавляя в настройках, мелодии.

Наконец Ника засунула его обратно в ящик:

– Простите.

– Руководство выделило полчаса на встречу. Двадцать минут на представление проекта и десять на обсуждение, – завершила, выждав секунду, Елена Марковна. – Ирина Александровна, ваши вопросы мы согласуем позже, – и, обернувшись у двери, добавила: – Вероника Сергеевна, зайдите, пожалуйста, ко мне через десять минут.

Она вышла.

– Ты можешь со своим телефоном разобраться? – зашипела Ирина, блестя на Нику черными, переполненными гневом глазами. – Я ничего не решила. У меня годовая срывается. Я второй месяц с долгами бьюсь. Неужели так сложно?

– Прости, я думала, он выключен.

– Послушай, я тебе помогла проект продвинуть, выделила время, и мне совсем не упало ещё ему обоснование собирать. Кто мне за это заплатит? Это лишняя работа.

– Прости. Я понимаю. Я благодарна тебе. Я могу помочь с чем-нибудь.

– С чем ты поможешь? У тебя даже образования нормального нет. Просто не мешай. Убери эти твои звонилки. И перестань шуршать пакетами и фантиками. Реально бесит, – Ира откинула длинные черные волосы за спину, выпрямила спину и демонстративно отвернулась к монитору.

– Хорошо, прости.

Ника вытащила из ящика телефон. Набрала звонивший номер, прикрыла микрофон ладонью:

– Добрый день. Да, я видела. Я на работе сейчас, не могу говорить. Я отправлю вам варианты чертежа вечером. Хорошо, – нажала красную кнопку и снова убрала телефон в ящик.

– Ира, прости, пожалуйста. Это с подработки. Я не могу им не ответить. Чертежи должна сбросить сегодня.

Ирина скривилась:

– И как это люди все успевают? Во все стороны, прям, талантами блистать, повышения получать. Огонь. Прямо звезды. Суперстар. Тут пашешь день и ночь – и все как должное.

– Прости. Тоне лекарства нужны, – попробовала объясниться Ника.

Но Ирина, не повернув головы, замолотила по клавишам.

Вероника встала и тихонько вышла из кабинета. Прошла в приемную и попросила секретаря доложить о ней Елене Марковне.

– Проходите.

Светлый кабинет приятно бодрил. Зам вышла из-за письменного стола и, жестом указав на одно из голубых кожаных кресел у окна, пригласила Нику сесть. В матовом аквамаринном стекле низкого овального столика плавала синяя тень орхидеи, стоявшей на окне. Ника чувствовала себя гупешкой в экзотическом аквариуме. Она потрогала плотное отражение решетки цветочного крепежа на каленой поверхности.

Елена Марковна села на соседнее кресло.

– Мне тоже нравится этот цвет.

– Да, – откликнулась Ника.

– Вероника Сергеевна, как вам работается в новом проекте, в новом коллективе?

– Спасибо, хорошо.

– Я слышала, вы завершаете год с высокими показателями. Руководство довольно результатами. Возможно, вас ожидает хорошая годовая премия.

Внутри Вероники настороженно подпрыгнуло. Она подтянула живот. Главное, не позволить себе обрадоваться. Не понадеяться заранее.

– Спасибо за доверие.

– Вы ответственный работник, Вероника Сергеевна. И я рада, что вы с нами. Однако есть ряд моментов, которые я хотела бы с вами обсудить.

– Да, конечно.

– Мы гордимся тем, что наша компания достаточно демократична. Но, Вероника Сергеевна, корпоративные правила, к нашему сожалению или счастью, никто не отменял. Белый верх, черный низ, поддержание корпоративного духа, соблюдение кодекса этики и служебного поведения. Мы должны быть корректны по отношению к своим коллегам. Высокие стандарты обслуживания нашей компании начинаются с нас, с каждого конкретного человека. Мы все

взаимосвязаны и должны внимательно относиться друг к другу. В локальных нормативных актах мы постарались закрепить самые основные, важные моменты, способствующие сохранению благоприятной эмоциональной атмосферы в коллективе. Я думаю, вы согласитесь с этим.

– Да, конечно.

– Я думаю, вы согласитесь также, что коллеги поддержали вас при вхождении в новый проект. Ирина Александровна хорошо о вас отзывается.

– Да, спасибо.

– Я вижу, что вы ответственно относитесь к работе. И обладаете превосходными человеческими качествами. Постарайтесь, пожалуйста, подробнее изучить правила внутреннего распорядка. И, если вы еще не пользовались, ежедневно от метро к терминалу ходит газель нашей компании. По расписанию. Оно есть в приложении. Мы специально выкупили несколько машин, чтобы наши сотрудники могли не опаздывать на работу и спокойно распределять свое рабочее время. Пользуйтесь, пожалуйста, этим приятным преимуществом. В соответствии с расписанием.

– Да, спасибо, я уже пользуюсь.

– Хорошо. Но все же расписание уточните. Автобус никого не ждет. Вам будет комфортнее.

– Хорошо.

– Замечательно. И обедаете ли вы? У нас хорошая столовая. Обед – прекрасный повод ближе познакомиться с коллегами в неформальной обстановке.

– Спасибо. Столовая очень хорошая.

– Вот и прекрасно. Ну что же, продуктивного рабочего дня.

– Спасибо.

– Да, Вероника Сергеевна, замок в шкафу вам сегодня заменят.

– Спасибо. Простите. Я возьму расходы. Даже не знаю, как это получилось. Ключ случайно провернулся и застрял.

– Не тревожьтесь, Вероника. Наш долг помогать друг другу. Мы все здесь как одна большая семья. Рождения, свадьбы, похороны, болезни – это естественно. Мы все люди. Мы должны поддерживать друг друга в трудной ситуации. Это наш долг и просто человеческая обязанность.

– Спасибо большое. Спасибо за доверие, – Ника старалась не упустить мысль, которую крутила в голове с того момента, как зашла в кабинет зама. – Елена Марковна, у меня есть один вопрос. Я хотела попросить неделю отпуска в феврале.

После разговора с замом Ника вернулась назад. Ирина не повернула головы. Ника неуютно поежилась.

– Ира, шоколадку будешь?

– Нет, спасибо, скоро обед.

— А мне отпуск одобрили.

– Поздравляю, – Ирина усмехнулась.

– Спасибо, – улыбнулась Ника. – Елена Марковна – замечательный человек. Мне Тоню нужно на консультацию свозить. Пять дней плюс выходные. Нам хватит.

– Неплохо так, – Ира поджала губы. – Отчего б мне на недельку в Европу не съездить?

– Если поедешь, я расскажу тебе, как лучше добираться, – радостно откликнулась Ника.

– Вот почему-то я думаю, что на это у меня ума хватит. Вот денег где столько набрать? Может, с премии годовой? Как думаешь? – зло поерничала Ирина.

Ника смутилась:

– Ты знаешь, это не так дорого, как на юг слетать. Мне очень повезло с билетами. Без багажа бы вообще дешево получилось. Мы там у женщины одной живем. И нам скидки делают.

– Кто бы мне скидку делал, – спиной процедила Ирина.

– Если хочешь, я адрес дам – там рядом все сдают – если вы поедете.

– Да где уж нам по Европам-то. Мы ж обычные смертные. С кредитами-ипотеками.

– Просто мы здесь все перепробовали, – Веронике хотелось объясниться. – Я за эти годы всю страну обошла. Там очень хороший врач. Мы его чудом нашли. Да мы и не успеваем ничего посмотреть. До Милана самолет, там сразу электричка, – Ника заторопилась. – Там воздух, Альпы рядом, там экология другая. Я не смогла здесь ничего найти, нам помогли там, – виновато оправдывалась она. – У неё кожа с рук слезает. Снимается, как перчатки. Язвы между пальцами. Она ведь девочка. Мучается страшно. Ей красивой быть хочется.

– Хватит! – взорвалась Ирина. – Хватит пальцы гнуть: Милан, Италия, Альпы. У Надьки, вон, саркома у младенца, у Шварина дочь с ДЦП. Слишком драматизируешь. У каждого свои заморочки. Сахаром нигде не посыпано. Это ж деньжищи-то какие!

– Да, – Ника растерялась. – Ир, прости. Я закончу сегодня твои бумаги.

– Да уж надеюсь, Вероника Сергеевна, – язвительно улыбнулась юрист.

– Ир, в столовую идешь? – в кабинет заглянула новая девушка из бухгалтерии. – Здравствуйте, – кивнула Нике.

– Иду. Не всем же по ресторанам, – Ирина хлопнула ящиком стола, вытащила из-за стула объемную дамскую сумку с принтом под крокодиловую кожу, застегнула пуховик, накинула широкую песцовую опушку на густые темные волосы, посмотрела на себя в зеркало и шумно вышла в коридор.

Ника покрутилась на стуле, повозила ногами по полу. В одну и в другую сторону. Посмотрела на кипу бумаг на столе. Вытащила Ирину папку и принялась печатать. За стеклянной стеной сновали люди. Страшно хотелось есть. Из дома, конечно, ничего не взяла. Она не понимала, о чем думает по утрам. Пятнадцать минут. В столовую уже не успеть.

Пару секунд поразглядывала ботинки под столом, подхватила сумочку и сбежала по внутренней лестнице в магазин на производстве. Ежедневные булочки, шоколадки больше не лезли. Хотело чего-нибудь нормального. Взгляд зацепился за рыбные консервы. Рыбу бы. Пару банок. Она сглотнула слюну. Пахнуть будет. Взяла банку тушенки с рисом, из тех, что брали монтажники, выезжавшие на объекты в пригороды.

Вернулась на этаж в комнату отдыха: за единственным столиком девушки из отдела кадров пили кофе с эклерами.

– Я вам не помешаю?

– Нет, конечно, садитесь.

Страшно смущаясь, но стараясь не подавать вида, она выставила на стол железную банку и стала искать открывашку. Девушки тактично продолжали разговор. До конца перерыва оставалось семь минут. Обнаружив знакомую конструкцию с деревянной ручкой, Ника встала вплотную к столу между говорившими, поджав подбородок, налегла ею на банку всем весом, раскроила металлическое полотно, подцепила крышку, вытряхнула содержимое в тарелку и поставила в микроволновку. Налила чай. Четыре минуты. Быстро перемешала непрогретую смесь с прогретой и с удовольствием съела.

После горячего хотелось спать, но изжога не давала расслабиться. Вероника резво достучалась по клавишам до вечера. За пятнадцать минут до конца рабочего дня вышла в туалет и передела джинсы на юбку. Выбрала из мешка подходящие колготки. Вышла с распухшим пакетом. Уборщица странно проводила её взглядом.

– Здравствуйте, – кивнула Вероника и вспомнила, что забыла накраситься.

Сходила в кабинет, вытащила косметичку и вернулась в туалет. Ручку дергали снаружи, но она, вопреки подпрыгивающему локтю, старалась не спешить. На рабочее место шла по стеклянному коридору, ставшему за эти минуты еще длинней, потому что ровно вдвое больше сотрудников повернулись посмотреть на ее юбку.

Ирина, красившая губы, остановила ход своей мысли и руки. Ничего не сказала.

Ника засунула пакет с джинсами в тумбу стола. Завтра заберет.

Глава 6. Дежавю и мыльные пузыри

Иван молча месил холодную утреннюю грязь. Мокрый снег комками впечатывался в землю, плющился и тек в ледяные лужи. Застывшая вода стучала по капюшону. Боковой ветер дробно забрасывал слева жесткое крошево. Правую щеку било и секло. Снег сыпал, хлестал, кидался под ноги и превращался в воду. Ноги уплывали. Иван бросал их в пространство наотмашь, в никуда, не глядя. Ботинки, ища опору, проскальзывали.

"Кто разведется с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, тот прелюбодействует". Отворачиваясь от липких ошметок, он сутуло шурился на тусклые фонари. "Остался ли без жены? Не ищи жены". Люди шли и шли, всплывали в мокрой метели. Вязли, закрывали лица, тонули.

И всё же это был снег. Два осенних месяца он аккуратно перебирался по грязи с зонтом и без в чистых ботинках. Его обувь всегда была идеально чистой. Даже кроссовки выглядели так, как будто он только что вышел из спортивного зала. Но сегодня утром пошел снег. И он не хотел выбирать путь. Он выбрал Леру, он любил сыновей. Но они ушли от него. Он не менял семью, не искал другой женщины – они расплылись под руками. И он намеренно шел по лужам, не оценивая и не целясь, и смотрел на нелепые перебирающие воду ноги. И был намерен досмотреть до конца.

Войдя в мастерскую, поменял обувь на сухую, закатал рукава, вытер все прилавки, помыл стеклянные двери и витрины, выходящие на площадку торгового центра, вычистил замшей образцы, надел белый халат, закрепил на лбу лупу и вытащил из коробки первые по очереди из принятых часов. Это его дело. Он отвечает за него и должен следить и содержать в порядке. "Кто не берет креста своего и следует за мной, тот не достоин меня". Он должен работать. Обеспечивать себя, помогать учиться мальчикам. Он не может остановиться. Нужно сосредоточиться на главном. Не потерять главного.

День подходил к концу. Свет, падавший через стеклянную крышу в проем между площадками, становился бледнее, лампы – ярче. После пожилой леди, принесшей на ремонт часы умершего мужа, дверь, казалось, замерла, он отошел к точильному станку и не сразу заметил женщину, подошедшую к стойке.

– Простите.

Он обернулся: стояла хозяйка голубых часов. В длинном светлом пальто она выглядела старше. Женщина округлила густо накрашенные кофейные глазки, медленно взмахнула ресницами и улыбнулась:

– Здравствуйте.

– Добрый день, – от неожиданности и незнания у него что-то оборвалось в животе и замерло, закаменело. Он пытался навести фокус, сконцентрироваться, рассмотреть и, всматриваясь, несколько разочаровывался: он не находил в ней той женщины, для которой ремонтировал часы. Все эти два дня она представлялась ему более женственной, что ли.

Маленькая. Пальто большеватое, съезжает с плеч. Красные губы. Станный яркий шарф. Мелкие движения. Она не представляла опасности. Он расслабился, и по венам тут же заструилась странная смесь раздражения и желаний, чтобы она что-то говорила. Много говорила. Ему хотелось растянуть время. Разглядеть ее поближе, не привлекая внимания. Как маленькую забавную юркую птичку, слишком живую для этого пространства, недолгое присутствие которой вызывало неподдельный интерес.

– Простите, – она смотрела прямо и уверенно, открыто улыбалась четко накрашенными губами. – Спасибо большое. Это чудо, что вы оказались рядом. Это так неожиданно.

Он тоже улыбнулся, откровенно и весело разглядывая ее.

– А я дизайнер. Занимаюсь интерьерами. Часы – моя любовь и моя слабость. Но я совершенно не разбираюсь в механизмах. От вращающихся колес у меня теряется равновесие.

Она легко тараторила, будто выстилая в воздухе невесомые цепочки радужных мыльных шариков, и смеялась. Замолкала, провожая глазами улетающие стайки фраз, шурилась, крутила головой. Он сложил руки на груди и не спеша присматривался, стараясь увидеть детали этого переливающегося, ежесекундно меняющего цвет существа. Вокруг себя она точно ничего не видела. Просто лучилась и морщила нос от собственного теплого света, щекотавшего кожу.

– Дизайнер? – он вскинул брови. – Ну, понятно. Да, похоже.

Еще раз оглядел. Пальто странного прямого кроя, в пол. Шарф с геометрическим рисунком. Ботинки. И ноги. Длинные красивые ноги. Она опиралась на одну. В распахнутом пальто была видна точеная коленка в прозрачной мягкой синтетике. Он быстро и мгновенно оценил это взглядом. Расправил плечи.

– Это интересно, – он посмотрел на задорные локоны – золотистые кудряшки, цеплявшиеся за воротник пальто, когда она наклоняла голову, и подскакивающие при каждом движении. Тонкие руки вертели ручку, привязанную к стойке шнурком.

– Да, интересно, – она, смущенно и тепло глянув на него, улыбнулась.

Он вытащил коробочку с часами из стола, принес к стойке, открыв, поставил перед ней:

– Вот ваше сокровище, принимайте, – и оперся на перегородку с другой стороны.

Она осторожно отвернула упаковочную бумагу и вытащила часики. Ему почему-то понравилось, что на коротко стриженных розовых ногтях не было лака, кое-где пальцы были трогательно испачканы синей пастой от шариковой ручки. Как ребенок, ей-богу. Точно, как ребенок.

– Смотрите, – он вытащил из ее рук часы, – в ваших часах нет противоударного устройства. Их нужно беречь от падений и сильной вибрации. Обращаться очень осторожно.

– Хорошо, – она снова улыбнулась, – я постараюсь, – она улыбалась беспрерывно. – Я буду теперь стараться.

Он положил часы назад в картонку. Девушка смотрела на его лицо. Она лучилась – он отражал свет. Текущее сильное время, обтекавшее её, живую и подвижную, как вода, захватывало в водоворот и его. Она говорила прямо в этот поток:

– Возможно, я слишком часто лечу вперед и нужно быть аккуратнее.

– Летать – это хорошо, – он все улыбался. – Но нужно быть аккуратнее, это точно. Беречь и себя, и часы.

– Это хорошая идея. Спасибо.

Он пододвинулся поближе и снова поднял часы:

– Смотрите.

Она встала на цыпочки и наклонилась над циферблатом.

– Здесь все должно быть в порядке. Но если вдруг встанут, здесь сбоку есть винтик, – он придавил пальцем выступ на корпусе.

– Ой, – она откинула голову и снова засмеялась и замахала руками, – я точно перепутаю. Точно. Буду стараться запомнить, а потом все перепутаю.

Она улыбалась, и он снова улыбался вслед за ней. Было хорошо.

– Ну, возможно, не вы, но кто-то из мужчин рядом, – спросил он медленней и пытливо посмотрел на неё.

– Это совсем сложно, – она снова засмеялась. – Мужчину нужно будет сначала найти.

Он долго молчал, внимательно изучая её, перебирал ремешок часов в руках.

Она тоже молчала, замерев, медленно, как будто проводя пальцем, спускаясь взглядом по морщинке на лбу, длинной брови к щеке, к губам и вдруг, быстро соскользнув с края скулы вниз, тряхнула кудряшками и, снова улыбнувшись, протянула руку ладошкой вверх:

– Спасибо вам.

– Да не за что, – он тоже протянул руку в ответ и аккуратно положил часы в её ладонь. – Вам не нужно это делать самой. Приходите, если будет нужна помощь.

– Спасибо.

Она взяла коробочку, отошла от стойки, оперла сумочку на выставленное вперед колено и начала рыться в ее многочисленных карманах, ища место, куда положить часы. Он стоял, поставив локоть на стойку, подперев подбородок кулаком, и откровенно любовался ею.

Она улыбалась. Как другу и соучастнику. Странное легкое ощущение узнаваемости будоражило кровь.

Он с удовольствием скользил взглядом по шелковой ноге от меха ботинка, охватывавшего тонкую щиколотку, до тени на внутренней стороне бедра, уходившей под юбку. Она как будто нарочно выставила вперед ногу, показывая изгибы и впадинки. Расстегнула какой-то кармашек, косметичку, аккуратно положила часы. Как-то захотелось сжать её всю: сжать рукой эти шелковые кудряшки, остановить колеблющиеся, прыгавшие, дразнившие ласковые спирали, бегущую длинноту круглых коленей. Загрести в кулак смешного енота на толстом свитшоте, пробраться, сжимая, вслед за убегающей в тень под юбкой линией ноги и остановиться там, зарывшись. Все остановить. Руки, подпиравшие подбородок, защемило тянущей пустотой и желанием стиснуть это теплое, переливающееся, текучее до предела, так, чтобы оно нутром просочилось через пальцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.